

— Хозяевами деревни Хэдун является семья Сюй. Семья Сюй известна своей добротой, они никогда не притесняли местных жителей, их доброе имя известно далеко за пределами округа. Это милосердная семья.

Изначально между семьёй Сюй и Чжан Шихаем не было никаких конфликтов. Многие хотели занять хорошие отношения с Чжан Шихаем, но семью Сюй он не воспринимал всерьёз, и обе стороны жили в мире. Но всё изменилось из-за нового налога.

— Нового налога?

— Да, нового налога. В эру Чунъю налоги собирали в виде подушного налога. Подушный налог был высоким, и в нём было много возможностей для манипуляций, так что народу доставалось мало. После восшествия на престол новый император, учитывая войны на границах, изменил подушный налог, установив его на уровне тридцати процентов.

Теперь налог был фиксированным, и его можно было легко увидеть. Но богатые семьи, хотя на словах собирали тридцать процентов, на деле собирали вдвое больше. Народу доставалось так мало зерна, что его не хватало даже на пропитание, не говоря уже о содержании семьи.

Все богатые семьи поступали так, и налог, который они платили, не был фиксированным. Чжан Шихай тоже получал от этого выгоду. Но семья Сюй строго придерживалась нового налога, не желая идти на компромисс с коррупцией.

У семьи Сюй был сын, который служил в армии на высокой должности. Чжан Шихай боялся, что это может раскрыться, и на словах он не мог ничего сделать против семьи Сюй. Поэтому он использовал скрытые методы, направив беженцев в деревню Хэдун, на территорию семьи Сюй.

Когда беженцев впервые направили в деревню Хэдун, семья Сюй, опасаясь, что местных жителей ограбят, отправила туда своих слуг для защиты. Но беженцы были голодны до безумия, они могли напасть на любого, не говоря уже о том, чтобы искать зерно.

Половина беженцев разграбила деревню Хэдун, а затем напала на семью Сюй. Говорят, что только когда генерал из семьи Сюй прибыл с войсками, семья смогла избежать гибели и получила передышку.

Но с тех пор деревня Хэдун стала местом сбора беженцев. Оставшиеся беженцы, хотя вначале грабили в поисках еды, больше не совершали нападений.

Таким образом, семья Сюй, хотя и имела войска, не могла без причины подавить беженцев, а Чжан Шихай больше не вмешивался в дела деревни Хэдун. Беженцы остались без помощи, землю в деревне Хэдун нельзя было обрабатывать, и семья Сюй, если бы взяла на себя заботу о деревне, должна была бы содержать и беженцев. Они не могли себе этого позволить, поэтому оставили деревню Хэдун.

Со временем местные жители, хотя и не могли покинуть родные земли, стали такими же, как и беженцы.

За одну зиму многие умерли от голода, многие замёрзли. В это время Чжан Шихай, опасаясь, что они массово сбегут, убил многих. Чжан Шихай убивал как беженцев, так и местных жителей. Несколько беженцев, обладавших навыками боя, спасли многих, и семья Сюй также отправила людей, так что Чжан Шихай не смог убить всех.

В итоге из тысячи человек выжили лишь около сотни. Чжан Шихай сначала позволил природе

решить проблему, а затем сам завершил дело. Даже если в деревне Хэдун ещё остались живые, для Цзинъяна это были всего лишь сто нищих. Так проблема и была решена.

Чжао Кэжань не знал, что он чувствовал в этот момент. Злости, кажется, не было.

Он просто не понимал, как может существовать такой чистой воды злодей. Неужели демоны из ада сломали свои цепи и вырвались на свободу, чтобы сеять хаос в мире?

Здесь была такая плодородная земля, не было зомби, не было вируса, люди могли свободно передвигаться...

Но один испорченный чиновник оказался страшнее зомби и вируса.

— А Юань вернулся!

Жители деревни Хэдун вмиг забыли о своём страхе, старики, женщины и дети один за другим вышли из пещеры. Они стояли вместе, встречая группу людей, спускавшихся с горы Цзинъян.

Впереди шёл молодой человек, в рваной одежде, под которой просматривались мускулистые линии. Его черты лица были благородными и красивыми, но на левой щеке был уродливый шрам, который портил его внешность, добавляя суровости.

Молодой человек был серьёзен, его глаза излучали холод, и шрам усиливал это впечатление, внушая страх.

Но жители деревни Хэдун смотрели на него, как на бога. Они не отступали, а, наоборот, шли навстречу.

— Брат Юань, на этот раз что-то нашли? — Один из тех, кто охранял вход в пещеру, подошёл и спросил.

Хо Юань ещё не успел ответить, как его перебили:

— Да, да! Брат Юань в прошлый раз поставил ловушку, и в неё попался кабан!

Задние подошли ближе, и люди у входа увидели, что они несут — целого кабана!

У подножия горы Цзинъян раздались радостные крики, словно они праздновали, что смогут прожить ещё один день.

— Что это у Аньваня в руках? — Дядюшка Ван Лю обладал острым зрением и не обратил внимания на большого кабана, а заметил дикую курицу в руках Хо Аня, единственного ребёнка, участвовавшего в охоте.

Хо Ань встал за спину Хо Юаня, маленький ребёнок был точной копией своего отца.

— Это папа поймал для меня дикую курицу.

Дядюшка Ван Лю, конечно, знал, что это дикая курица, но не знал, петух это или курица. Если это курица, он мог бы попросить Хо Юаня, чтобы тот дал ему яйцо, если курица начнёт нестись, чтобы его жена могла подкрепиться.

В последнее время жена постоянно жаловалась на боль, но не могла точно сказать, где болит.

Дядюшка Ван Лю хотел спросить, петух это или курица, но его перебил мужчина. Это был тот самый, кто прогнал Чжао Кэжана и его спутников. Его звали Ду Ювэй.

— Брат Юань, сегодня в деревню приходили люди, сказали, что это новый уездный начальник. Рядом стоял старик, действительно помощник уездного начальника Цзиньяна, так что вроде не врут.

Но тот, кто называл себя уездным начальником, выглядел слишком молодым, и это вызывает сомнения.

Сказал, но как будто и не сказал.

Выражение лица Хо Юаня не изменилось. В мире мало что могло заставить его изменить выражение лица. Он только спросил, сколько человек пришло.

Голос Хо Юаня не соответствовал его внешности. Он звучал мягко и приятно, словно хорошее вино, которое пьянит даже без употребления. Но если посмотреть на говорящего, возникало сильное несоответствие. Взглянув на него, сложно было сказать, что холоднее — зима на северо-западе или Хо Юань.

— Только трое, — Ду Ювэй поднял три пальца, дрожа от холода. — Сначала мы думали, что за ними идут солдаты, но когда мы велели им уйти, они действительно ушли. Но я видел, как старик и молодой что-то шептали друг другу, не знаю, не замышляют ли они что-то против нас.

В конце концов, деревня Хэдун — это большая территория. Семья Сюй не торопится, но они должны быть обеспокоены уплатой налогов. Мы занимаем эту землю, и это не принесёт нам пользы. Наверное, нам снова придётся уходить.

Слова Ду Ювэя были логичны, но Хо Юань не собирался уходить.

— Куда уходить? Чжан Шихай тогда мог позволить себе быть таким наглым, потому что у него была причина. Он был первой линией обороны, он остановил вас, и города за ним не беспокоились. Если вы действительно уйдёте, это будет смертным приговором.

Ду Ювэй вздрогнул, не зная, от холода или от страха.

Он смотрел на бескрайнюю землю перед собой, и в его сердце поднималась безграничная печаль. Небо и земля велики, но не было места, где можно было бы укрыться.

Но если тот мальчик действительно был уездным начальником, и уездная управа Цзиньяна действительно собиралась действовать, что они могли сделать, кроме как бежать? Неужели...

Сражаться?

Как только эта мысль пришла ему в голову, Ду Ювэй тут же отмахнулся от неё. Он был смелым, но только для устрашения. Если бы они действительно попытались подойти, он бы не смог напасть.

Если бы они действительно сражались... Боже мой, это было бы восстанием! За городом стояли солдаты, и им бы не хватило и десяти голов, чтобы их всех казнили!

— Брат Юань... Ты не собираешься... не собираешься... восставать...

Ду Ювэй дрожал, не мог даже произнести слово, оно было как заклинание смерти, которое он

не мог выговорить.

Хо Юань взглянул на него, не меняя выражения лица.

— Преувеличиваешь.

Глядя на удаляющегося Хо Юаня, Ду Ювэй всё ещё чувствовал беспокойство. Хотя тот отрицал, он всё же думал, что Хо Юань действительно хотел сражаться.

Солнце взошло, и уезд Цзинъян постепенно пробуждался.

С рассветом на улицах Цзинъяна уже появились торговцы, продающие еду.

Чжао Кэжань выбрался из-под одеяла из ивового пуха и накрыл Чжао Сяюя и Шу Мо, подоткнув одеяло.

В Цзинъяне было холодно, и у них оставалось лишь несколько монет после того, как они потратили деньги на одежду.

Всего двадцать медных монет.

На новое одеяло из ивового пуха денег не было, а в Цзинъяне такие одеяла стоили так дорого, что Чжао Кэжань даже не мог сосчитать.

Трое спали вместе, как и во время путешествия, чтобы было теплее.

Осторожно одевшись, он зашёл в пространство, чтобы умыться водой из горного источника. Съел персик, чтобы утолить голод, и вышел.

— Уездный начальник? Куда вы идёте так рано утром?

Нога У Цзю была повреждена, и в холод кость словно пронзали иголки. Он не мог спать и пришёл в конюшню, чтобы покормить маленькую коричневую лошадь. Не успел он положить корм, как увидел молодого уездного начальника, одетого и стоящего у входа в конюшню.

— Я снова отправляюсь в деревню Хэдун, — Чжао Кэжань увидел, что лошадь почти доела, и вывел её. — Если Шу Мо спросит, скажи, что я уехал по делам, пусть не волнуется и позаботится о Сяюе.

<http://bllate.org/book/17722/1656475>